

АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНФЛИКТА И ОБРАЗ КОНФЛИКТА: МЕЖДУ СИСТЕМОЙ И СУБЪЕКТОМ

Даниленко Оксана Акимовна – доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

У статті пропонується новий варіант аналітичної моделі конфлікту. Акцентується увага на необхідності розгляду конфлікту не тільки як міжсуб'єктної взаємодії, але і як системи багаторівневих структурних комунікацій. Аналізується роль системи і суб'єкта в процесі соціального конструювання, а саме у формуванні образів конфлікту. Обґрунтовується один з основних принципів лінгвоконфліктологічного підходу - поєднання у визначенні конфлікту його інтерпретацій як атрибуту суб'єкта та як атрибуту системи. Розглядаються зустрічні процеси соціального конструювання, що враховують специфіку конфлікту як системи і як суб'єкта.

Ключові слова: аналітична модель конфлікту, система, суб'єкт, образ конфлікту, соціальне конструювання реальності, мова конфлікту, лінгвоконфліктологічний підход.

В статье предлагается новый вариант аналитической модели конфликта. Акцентируется внимание на необходимости рассмотрения конфликта не только как межсубъектного взаимодействия, но и как системы многоуровневых структурных коммуникаций. Анализируется роль системы и субъекта в процессе социального конструирования, а именно – в формировании образов конфликта. Обосновывается один из основных принципов лингвоконфликтологического подхода – сочетание в определении конфликта его интерпретаций как атрибута субъекта и как атрибута системы. Это позволяет рассматривать встречные процессы социального конструирования, учитывающие специфику конфликта как системы и как субъекта.

Ключевые слова: аналитическая модель конфликта, система, субъект, образ конфликта, социальное конструирование реальности, язык конфликта, лингвоконфликтологический поход.

The article proposes the new variant of conflict analytical model. The necessity of considering the conflict as not only as an intersubjective interaction, but also as a system of multi-level structural communications is grounded. The role of the system and the subject in the process of social construction - namely, in the formation of images of conflict are analyzed. This proves one of the basic principles of lingua-conflictological approach: a combination of the conflict definition of his interpretations as an attribute of the subject and as an attribute of the system. This allows us to consider counter processes of social construction, tailored to the conflict as a system and as a subject.

Keywords: analytical model of conflict, the system, the subject, the image of conflict, social construction of reality, language of conflict, lingua-conflictological approach.

Современная ситуация как в мировом сообществе, так и в украинском обществе актуализирует необходимость поиска адекватных моделей анализа социальных конфликтов. Учитывая, что все большее значение в восприятии и интерпретации конфликтов приобретают их образы, необходима аналитическая модель, которая будет учитывать особенности формирования этих образов, причем как субъектами, так и системами, принимая во внимание латентные конфликты. Особое значение при измерении потенциальной конфликтности имеет анализ семантики, сигнализирующей о возможном проявлении социальных конфликтов. Семантика включена в формирование образов конфликтов через использование дискурсивных механизмов социального конструирования, при этом в аналитических моделях конфликта не учитывается роль образов конфликта и дискурсивных механизмов формирования образов конфликта.

В качестве подхода, исследующего конфликт через взаимосвязь семантики и конфликтных действий, предлагаю лингвоконфликтологический подход, который методологически связан с социологией языка и социологией конфликта и который позволяет измерять потенциальную конфликтность через характеристики «языка конфликта». Подробно методологические принципы и варианты реализации лингвоконфликтологического подхода представлены в работе «Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей» [1].

Целью данной статьи является обоснование перспективности синтеза субъектной и внесубъектной интерпретации социальных конфликтов. При этом представляется особенно важным обратить внимание

на роль системы и субъекта в процессе конструирования образов конфликтов и рассмотреть это в соотношении с аналитической моделью конфликта.

Как показывает анализ современных теорий конфликта, в рамках конфликтологического знания доминирующим является субъектное видение природы социальных конфликтов, и при этом отсутствует внесубъектное видение конфликтов как социокоммуникативных процессов.

Здесь проявляются две взаимосвязанные проблемы, объединенные двумя подходами к социальному конструированию. С одной стороны, хотя конфликт рассматривается, прежде всего, как межсубъектное взаимодействие, не учитывается в полной мере аспект социального конструирования реальности и особая роль субъекта в процессе этого конструирования. С другой стороны, не учитывается, что в условиях развития средств массовой коммуникации в современном обществе сами потоки информации, принадлежащие к определенным системам, становятся важным фактором возникновения конфликтов и управления конфликтами, что осуществляется через создание их образов. Порой создается образ несуществующего конфликта как реального, что создает основу для оправдания определенных социальных действий и приводит к реальным конфликтам. Чтобы понять механизмы такого рода конструирования, нужно осмыслить встречные процессы лингвистического конструирования социальных конфликтов: с одной стороны, конструирование социальной реальности на уровне субъектов (через повседневные практики, типизацию, легитимацию, институционализацию – согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана), с другой стороны, конструирование реальности на уровне систем (вариант, предложенный Н. Луманом применительно к коммуникации, не учитывающийся в современной конфликтологии, несмотря на то, что Н. Луман в своей работе «Социальные системы» [2] не обошел вниманием проблему конфликта).

Анализ историко-социологического материала показывает, что проблема роли системы и субъекта в обществе является одним из центральных и дискуссионных моментов. Для понимания выражения этой проблемы применительно к различным вариантам конструирования социальной реальности, представляется важным обращение к работе немецкого социолога Х. Кноблауха «Между системой и субъектом? Различия и пересечения между системной теорией и социальным конструктивизмом» [3], в которой автор проводит сравнение «системной теории в изложении Лумана и социального конструктивизма феноменолого-герменевтической традиции» [3]. Х. Кноблаух обосновывает, что системная теория Н. Лумана и теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана могут рассматриваться как два различных варианта конструктивизма, что определяет возможность поиска не только различий этих теорий (что более характерно для историко-социологической рефлексии), но и их общих моментов. При этом подчеркивается, что социальный конструктивизм исходит из феноменологии и рассматривает прежде всего позицию действующего субъекта, а системная теория рассматривает субъект как незначительный для социологических размышлений по сравнению с системой, образованной коммуникацией. Х. Кноблаух подчеркивает, что «столкновение этих двух представлений конструктивизма смещает в центр проблему, которую можно представить как лейтмотив общей социологической дискуссии: связь сознания, субъекта или индивида с одной стороны, и общества, структуры и системы – с другой. Данную тему можно было бы перефразировать с помощью вопросов: конструирует ли коммуникация общество или конструируют ли люди реальность?» [3] При этом Х. Кноблаух не выходит на анализ проблемы социальных конфликтов, это не является предметом его интересов. Предлагаю развить эти размышления в направлении конструирования конфликтов через создание определенных их образов, при этом вопросы применительно к аналитической модели конфликта можно переформулировать следующим образом: конструирует ли коммуникация социальные конфликты или их конструируют индивиды в процессе интеракции, типизируя, легитимируя и институционализируя определенные образы конфликтов?

Одним из ключевых элементов аналитической модели конфликта является понятие конфликта. Базовым компонентом при определении социальных конфликтов является рассмотрение конфликта как социального взаимодействия. Проведенный анализ особенностей изучения конфликта как социокоммуникативного процесса с учетом лингвистической составляющей показал необходимость следующей конкретизации этого определения в рамках лингвоконфликтологического подхода.

С одной стороны, это взаимодействие является межсубъектным (что соответствует большинству предлагаемых в конфликтологической литературе определений), то есть конфликтное взаимодействие предполагает наличие как минимум двух субъектов, являющихся носителями определенной системы ценностей, установок, потребностей, имеющих свои интересы, цели и пр. Конфликт выступает как борьба за реализацию своих «субъектных атрибутов» (целей, интересов, потребностей, ценностей и пр.) по отношению к определенным объектам (как материальным, так и нематериальным). Динамику развития конфликта определяют как объективные условия, создающие предпосылки для его устранения и разрешения, так и субъектные атрибуты. В определении сценариев развития конфликта ситуативно доминируют те или иные субъектные характеристики, детерминация конфликта объективными факторами и

условиями осуществляется в сочетании с влиянием ситуационных факторов конфликта, набор которых может варьироваться самым неожиданным образом. Конфликт всегда предполагает ситуацию выбора из альтернативных моделей поведения, причем никогда нельзя точно сказать, к каким последствиям приведет выбор той или иной стратегии, то есть конфликт представляет собой ситуацию неопределенности.

С другой стороны, в современном обществе в связи со стремительным развитием медиакоммуникаций (Н. Луман) [4] особую роль в возникновении и развитии конфликтов приобретает информационный фактор: потоки информации определяют не только возникновение реальных конфликтов, проявляющихся как межсубъектное взаимодействие (согласно классической схеме) но и, формируя отношение к несуществующим конфликтам как к реальным, провоцируют возникновение различного рода конфликтов, которые можно назвать лингвистически сконструированными. В этом смысле целесообразно рассматривать конфликт как систему многоуровневых структурных коммуникаций, что, в одной стороны, выдвигает на первый план его природу как социокоммуникативного процесса, с другой стороны, показывает возможность вынесения субъекта за пределы системы (в соответствии с интерпретацией этой проблемы Н. Луманом), подчеркнув возможность рассмотрения специфической природы конфликтов в условиях развития информационного общества, когда конфликт может рассматриваться не как взаимодействие между субъектами, а как взаимодействие между коммуницирующими системами, в которых индивид оказывается вне системы. В этом проявляется двойственная природа конфликтов – его проявление как межсубъектного взаимодействия и как социокоммуникативного процесса.

В чем специфика интерпретации коммуникации Н. Луманом? Характеризуя понятие коммуникации, Н.Луман подчеркивает необходимость отказа от метафоры «переноса». «Метафора переноса смещает суть коммуникации в акт переноса, в сообщение. Она направляет внимание к сообщаемому и требует его умений. Однако сообщение есть не что иное, как предложение сделать выбор, есть побуждение. Лишь благодаря тому, что это побуждение подхватывается, возникает возбуждение, происходит коммуникация» [2, с. 195]. Коммуникация понимается Н. Луманом как «трехзвенный процесс отбора. Всякий раз речь идет не только об отправлении и получении при избирательном внимании; в гораздо большей степени избирательность информации сама есть момент коммуникативного процесса, потому что лишь с ее учетом можно активизировать избирательное внимание» [2, с. 195]. Следует заметить, что конфликт как коммуникативный процесс в условиях информационной цивилизации целесообразно также рассматривать как процесс отбора, влияющего на выбор тех или иных вариантов коммуникативных действий в процессе возникновения конфликта. И такого рода интерпретация идей Лумана может быть представлена в качестве дополнения современным ресурсным моделям конфликта. Здесь сама информация может повлиять на выбор определенного типа действия, и этот аспект является особенно важным при рассмотрении, наряду с реальными, лингвистически сконструированных конфликтов, когда с помощью определенных потоков информации создается образ конфликта, который может быть принят за реальный конфликт (хотя здесь может не быть в этот момент всех характеристик конфликта, являющихся важными атрибутами его диагностики при использовании ресурсной модели). Рассматривая конфликты как систему многоуровневых структурных коммуникаций, мы можем на уровне некоторых из подсистем обращаться и к ресурсной модели, если она адекватна конкретной ситуации, но не сводить все лишь к ней, подразумевая возможность описания и анализа лингвистически сконструированных конфликтов, которые вытекают из самого процесса коммуникации и конструируются в процессе коммуникации (и средством конструирования является язык коммуникативных процессов).

В рамках лингвоконфликтологического подхода предлагается рассматривать конфликт в двух аспектах, двух гранях его проявления: конфликт как межсубъектное социальное взаимодействие и конфликт как система многоуровневых структурных коммуникаций, в первом случае будет подчеркиваться возможность конструирования конфликтов на уровне субъектов, во втором – на уровне систем.

При рассмотрении социального конфликта как системы многоуровневых структурных коммуникаций конфликт как социальная система всегда оказывается подсистемой к определенным социальным конфликтам и является системой по отношению к другим конфликтам как подсистемам. Взаимосвязь между различными уровнями конфликтного взаимодействия осуществляется благодаря системе ценностей, и одним из индикаторов выявления этих взаимосвязей является язык конфликта (речевые ориентации детерминированы ценностными ориентациями). При рассмотрении конфликта как системы мы можем базироваться на двух различных «системных традициях» - системной теории Т.Парсонса и системной теории Н.Лумана.

Для понимания особенностей взаимодействия между различными социальными системами и подсистемами в парсонсовском варианте целесообразно обратиться к определению социальной системы Т.Парсонса: «Социальные системы, в том числе и общества, мы рассматриваем не как конкретную агрегацию взаимодействующих и проявляющих себя в поступках людей, а как получившую аналитическое определение

подсистему всей совокупности социальных действий людей, абстрагированную на основе вычленения процессов взаимодействия и структур, образуемых взаимоотношениями между исполняющими свои роли людьми» [5]. При этом состояние системы может быть как конфликтным, так и интегративным, а не только «интеграция» и «неудавшаяся интеграция», как это предлагает рассматривать Т. Парсонс. Каждая из систем и подсистем имеет свои ценности: соответственно ценности личности, ценности больших социальных групп, ценности общества. Все они определенным образом соотносятся, и именно в этом соотношении проявляется сущностная взаимосвязь социальных систем и подсистем. При субъектном рассмотрении природы конфликта мы можем применить такое видение системы, которое следует из конфликтологической интерпретации концепции Т. Парсонса. Однако теоретические построения Т. Парсонса, являясь макротеорией, не могут учитывать в полной мере нерациональные факторы, влияющие на характер социального взаимодействия. Обращение к микросоциологии И. Гофмана, а также социологии повседневности А. Шюца позволяет дополнить макросоциологическую теорию Т. Парсонса с учетом особенностей межличностной коммуникации. Объединение же этих подходов можно реализовать в ценностном аспекте, что позволяет перейти от ценностей личности, определяющих характер межличностных коммуникаций и способы реализации определенных образцов поведения, их символическое наполнение и интерпретацию (согласно И. Гофману), к ценностям общества, отображенных в типовых переменных действия. Эта методологическая схема может быть реализована на уровне методики социологического исследования через обращение к лингвистическим характеристикам языка конфликта, характерным для определенных социальных систем.

Однако при рассмотрении внесубъектного определения конфликтов как коммуницирующих систем необходимо обратиться к иному видению социальной системы, предлагаемому Н. Луманом: «С помощью понятий и теорий самореферентных систем, а именно при помощи представления о том, что системы своими собственными операциями могут выполнять самоописание и наблюдать себя, связь коммуникации, действия и рефлексии можно выделить из теории субъекта (теории субъектности сознания). Разумеется, мы не допускаем, что социальные системы могли бы существовать без такого сознания. Однако субъектность, данность сознания, его основоположенность понимается как окружающий мир социальных систем, а не как его самореференция [2, с. 233]. Согласно такому представлению о коммуникации индивид оказывается вне социальной системы а в воспроизводстве системы особое значение имеет язык. Для конфликтологического анализа особое значение имеет язык конфликта, так как он определяет границы социальных систем как конфликтных систем и способствует их воспроизводству именно через характеристики конфликтных систем (через язык конфликта).

Язык конфликта понимается как семиотическая система, обладающая свойством маркировать и передавать определенный уровень конфликтного потенциала, который может быть оценен по шкале «конфликт–согласие». Язык конфликта имеет определенные нормы, непосредственно связанные с нормами и ценностями той социальной системы, применительно к которой рассматривается язык конфликта. Характеристики языка конфликта выступают как дискурсивные механизмы формирования образов конфликта, поскольку характеристики языка конфликта составляют структурную матрицу, определяющую тип дискурса. Так, например, идеология как система через социальные институты (СМИ, образование и др.) ретранслирует определенные характеристики языка конфликта, что формирует определенный дискурс, позволяющий в рамках различных идеологий формировать различные образы одного и того же конфликта через обращение к различным смыслам, которые приобретают одни и те же социальные действия в рамках различных дискурсов (например, «война» или «антитеррористическая операция», «освободители» или «оккупанты», «аннексия» или «воссоединение» и пр.).

При рассмотрении социальных конфликтов как системы многоуровневых структурных коммуникаций особое значение имеют идеи Н. Лумана еще и в связи с тем, что немецкий социолог рассматривает во взаимосвязи такие понятия, как коммуникация, язык, смысл, тема, конфликт. Кроме того, его интерпретация понятия коммуникации не сводится к понятию передачи информации и в значительной степени связана с проблемой понимания, включает проблему выбора смысла, а, следовательно языковые и интерпретативные механизмы во взаимосвязи социокоммуникативными процессами здесь выходят на первый план. Однако мы учитываем при этом и возможность иного видения природы коммуникации (прежде всего П. Бергера и Т. Лукмана), подчеркивающее активную роль субъекта в конструировании социальной реальности. И здесь также проблема смысла выходит на первый план, только смысла, конструируемого субъектами во взаимных типизациях, а не системой. Особое значение приобретает при этом анализ повседневности и повседневных типизаций.

При разработке теоретико-методологических конструкций лингвоконфликтологического подхода на основе анализа историко-социологического материала были выделены и обоснованы следующие основные компоненты: 1) функционально-конфликтологический (Г. Зиммель, Л. Козер); 2) субъектно-диалогический (Ю. Хабермас, Т.М. Дридзе); 3) субъектно-конструирующий (А. Шюц, П. Бергер, Т.

Лукман); 4) внесубъектно-аутопойетический (Н. Луман). Три первых компонента (функционально-конфликтологический, субъектно-диалогический и субъектно-конструирующий) созвучны видению конфликтов как межсубъектных взаимодействий, доминирующему в современной социологии конфликта и конфликтологии, и более того, раскрывают дополнительные возможности раскрытия роли субъектных характеристик конфликта в возникновении, развитии и урегулировании конфликтов с учетом особой роли языка, текста дискурса. И только внесубъектно-аутопойетический компонент представляет собой альтернативное видение конфликтов как социокommunikативных процессов. Таким образом, мы рассматриваем субъектный и внесубъектный компонент анализа конфликтных процессов в единстве.

Далее предполагаю рассмотреть, как конкретизируется каждый из этих компонентов при исследовании языка конфликта, тем самым не только еще раз обосновывая их выбор, но и показывая, как они работают в лингвоконфликтологической плоскости в связи с анализом характеристик языка конфликта.

Выбор функционально-конфликтологического компонента связан с возможностью перехода от функций конфликта к функциям языка конфликта, что связано с выходом на проблему лингвистического конструирования социальных конфликтов и их функций в различных социальных системах. При этом системы в рамках функционально-конфликтологического компонента восходят к парсонсовскому видению социальных систем, когда индивиды оказываются внутри системы (именно этот вариант развивает, в частности, Л. Козер в своей функциональной теории конфликта).

Субъектно-диалогический компонент означает возможность учитывать роль языка, текста, дискурса в процессе коммуникации, уделяя особое внимание условиям реализации эффективного диалога, здесь субъектные характеристики участников процесса коммуникации имеют особое значение (а именно – смыслообразующие конструкты жизненного мира как детерминанты коммуникативного действия в теории Ю. Хабермаса, интенциональные характеристики в подходе Т.М. Дридзе).

Субъектно-конструирующий компонент (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) также является продолжением развития субъектного подхода, но его особенностью является возможность рассмотрения того, каким образом субъект коммуникации конструирует социальную реальность, и какую роль в этом процессе играет язык, как он включен в процессы типизации и легитимизации, как включена в процесс лингвистического управления конфликтами проблема релевантности.

Внесубъектно-аутопойетический компонент (Н. Луман), как и субъектно-конструирующий, позволяет осуществить переход от роли языка в конструировании социальной реальности к роли языка конфликта в конструировании социальной реальности, но здесь язык рассматривается как атрибут социальных систем, а не субъектов, что определяет возможность анализа того, как система конструирует социальную реальность посредством языка, а в рамках лингвоконфликтологического подхода – языка конфликта. В роли систем мы можем рассматривать, например, образование, политику, идеологию, государство. Последние два компонента (внесубъектно-аутопойетический и субъектно-конструирующий) являются базовыми, поскольку непосредственно связаны с рассмотрением двойственного проявления конфликта – как межсубъектного взаимодействия и как системы многоуровневых структурных коммуникаций.

Таким образом, при анализе особенностей конструирования образов конфликта необходимо учитывать двойственную природу проявления социальных конфликтов: как межсубъектного взаимодействия и как системы многоуровневых структурных коммуникаций, в которой субъект оказывается за пределами социальной системы. Это позволяет анализировать, с одной стороны, как образы конфликтов конструируются как на уровне систем, с другой стороны – на уровне субъектов, рассматривать встречные процессы социального конструирования, учитывающие специфику конфликта как системы и как субъекта.

Литература:

1. Даниленко О. А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе : от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей : монография / О. А. Даниленко. – Вильнюс : Изд-во ЕГУ, 2007. – 402 с.
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб. : Наука, 2007. – 644 с.
Knoblauch H. Zwischen System und Subjekt? Unterschiede und Ueberschneidungen zwischen Systemtheorie und Sozialkonstruktivismus / Hermeneutische Wissenssoziologie : Standpunkte zur Theorie der Interpretation / Ronald Hitzler... (Hg.) – Konstanz : UVK, Univ.- Verl. Konstanz, 1999.
3. Луман Н. Медиакommunikation / Н. Луман ; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. – М. : Логос, 2005. – 280 с.
4. Парсонс Т. Общий обзор / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева // Американская социология : перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 360–378.